

Концепции исковой давности в праве Великобритании и Соединенных Штатов Америки

В. Г. Малышева

Для цитирования: *Малышева В. Г.* Концепции исковой давности в праве Великобритании и Соединенных Штатов Америки // Правоведение. 2020. Т. 64, № 4. С. 483–495.
<https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.403>

Автор статьи анализирует институт исковой давности по праву России и по праву Великобритании и США. Действующее нормативное регулирование исковой давности в России основано одновременно на двух взаимоисключающих концепциях: с одной стороны, Гражданский кодекс РФ указывает, что применение исковой давности предполагает установление факта нарушения права и определения лица, которое это право нарушило, с другой — Гражданский процессуальный кодекс РФ и Арбитражный процессуальный кодекс РФ предусматривают возможность прекращения судопроизводства без рассмотрения дела по существу и без исследования доказательств. Однако в таком подходе заложено внутреннее противоречие. Хотя каждая из указанных концепций, очевидно, является допустимой, совмещение различных целей и задач в рамках одного института демонстрирует непоследовательность законодательного регулирования. Вместе с тем такой подход является традиционным для доктрины. Считается, что исковая давность призвана одновременно: защитить добросовестного ответчика, который не может бесконечно долго хранить доказательства исполнения им обязательства; гарантировать интересы ответчика, нарушившего право истца, однако имеющего право на определенность и не способного постоянно находится под угрозой потенциальной ответственности; наказать истца, право которого было нарушено, но который вовремя не озаботился о его защите; обеспечить устойчивый публичный правопорядок посредством механизма, который, тем не менее, применяется исключительно по усмотрению частного лица. Аналогичный подход отражен и в правовых позициях Конституционного Суда РФ. В связи с этим особое значение приобретает исследование опыта других стран в отношении того, какое предназначение имеет соответствующий институт. Проведенный автором сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что в праве отсутствуют единая концепция и идеология механизма, который предусматривает отказ от разрешения спора в судебном порядке по истечении определенного времени. В праве Великобритании и США существует сразу несколько механизмов исковой давности. Каждый из таких механизмов основан на определенных принципах и функционирует по самостоятельным правилам. В статье осуществляется попытка комплексного сравнительно-правового анализа института исковой давности с целью предоставления базы для поиска ответа на вопрос о правовой природе современного института исковой давности в российском законодательстве.

Ключевые слова: исковая давность, сроки исковой давности, средство защиты ответчика, возражение ответчика, эксцепция, институт давности, право на иск.

Институт исковой давности сложно назвать малоизученным, ему посвящены труды таких отечественных классиков цивилистики и процессуальной науки, как Г. Ф. Шершеневич, И. Е. Энгельман, Е. В. Васьковский, О. С. Иоффе, М. А. Гурвич, Б. Б. Черепахин, М. Я. Кириллова и др.

Малышева Вероника Германовна — мл. науч. сотр., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; v.g.malysheva@spbu.ru

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2021

Вместе с тем, несмотря на достаточное количество исследований, все еще не разрешенным остается основополагающий вопрос о том, какая концепция исковой давности реализована законодателем в рамках современного механизма прекращения судебного разбирательства ввиду истечения исковой давности¹.

В отечественном праве исковой давности традиционно приписывают выполнение сразу нескольких задач, которые, однако, носят внутренне противоречивый характер. Считается, что исковая давность призвана одновременно: 1) защитить добросовестного ответчика, который не может бесконечно долго хранить доказательства исполнения им обязательства; 2) гарантировать интересы ответчика, нарушившего право истца, однако имеющего право на определенность и не может постоянно находиться под угрозой потенциальной ответственности; 3) наказать истца, право которого было нарушено, но который вовремя не озаботился о его защите; 4) обеспечить устойчивый публичный правопорядок посредством механизма, который, тем не менее, применяется исключительно по усмотрению частного лица².

Указанное свидетельствует об отсутствии единого и системного понимания правовой природы³ соответствующего института. Безусловно, признание за исковой давностью сразу нескольких целей является традиционным не только для отечественного права, но и для других правопорядков. Однако традиционность какого-либо подхода не может быть оправданием очевидных противоречий в законе.

¹ Согласно ст. 195 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) (здесь и далее ссылки на российское и международное законодательство, подзаконные акты, судебную практику и иные акты, если не указано иное, даются по СПС «КонсультантПлюс», URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2021)) исковой давностью признается срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено. Исходя из буквального толкования указанных положений, для применения исковой давности суд обязан установить факт нарушения ответчиком права истца. Аналогичный подход реализован в п. 1 Постановления Верховного Суда РФ (далее — ВС РФ) от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности», предусматривающем, что течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо, право которого нарушено, узнало или должно было узнать о совокупности следующих обстоятельств: о нарушении своего права и о том, кто является *надлежащим ответчиком* по иску о защите этого права (уточним: надлежащим ответчиком является то лицо, которое в действительности нарушило право истца).

Вместе с тем ч. 6 ст. 152 Гражданского процессуального кодекса РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (далее — ГПК РФ) устанавливает, что в предварительном судебном заседании может рассматриваться возражение ответчика относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности. При установлении факта пропуска без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд судья принимает решение об отказе в иске *без исследования иных фактических обстоятельств по делу*. Другими словами, ГПК РФ исходит из того, что суд не рассматривает дело по существу и не устанавливает, нарушалось ли в действительности право истца. Аналогичная норма содержится в ч. 4 ст. 170 Арбитражного процессуального кодекса РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ (далее — УПК РФ).

Таким образом, действующее законодательство одновременно исходит из взаимоисключающих подходов: с одной стороны, указывает, что применение исковой давности предполагает установление факта нарушения права и определения лица, которое это право нарушило, с другой — предусматривает возможность прекращения судопроизводства без рассмотрения дела по существу и без исследования доказательств.

² Указанная позиция отражена и в доктрине, и в правоприменительной практике, в том числе в позициях Конституционного Суда РФ (далее — КС РФ). См., напр.: Постановления КС РФ от 24.06.2009 № 11-П; от 27.04.2001 № 7-П; от 14.07.2005 № 9-П; от 15.02.2016 № 3-П; Определение КС РФ от 03.11.2006 № 445-О.

³ Используя термин «правовая природа», автор подразумевает общую концепцию института исковой давности, включающую прежде всего политико-правовые цели данного института, его предназначение и основную идею, которые законодатель закладывает в соответствующий механизм.

Признание за исковой давностью различных по своему содержанию целей противоречит формальной логике и представляется непоследовательным, поскольку невозможно в рамках одного института реализовать функцию обеспечения сохранности доказательств исполнения ответчиком обязательства, исходящую из признания отсутствия правонарушения на стороне ответчика, и функцию «наказания» истца за неосуществление своего права в судебном порядке, имеющую в качестве основания признание за истцом соответствующего права. Также невозможно одновременно признать за исковой давностью выполнение публичной функции обеспечения стабильности оборота в то время, как применение соответствующего механизма зависит исключительно от воли частного лица — ответчика. Такой подход к вопросу сущности исковой давности, несмотря на то что он является традиционным для отечественной доктрины, представляет собой не вполне последовательное соединение всех возможных концепций соответствующего института.

Кроме того, отсутствие единой концепции института приводит к отсутствию единых принципов регулирования, которые могли бы стать ориентиром для правоприменительной практики при возникновении новых и нестандартных проблем, не получивших прямого разрешения в законодательстве.

Так, в правоприменительной практике долгое время существовал вопрос о том, могут ли третьи лица⁴ заявлять об исковой давности. Ранее действовавшее Постановление Пленума ВС РФ от 12.11.2001 № 15 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм ГК РФ об исковой давности» в п. 4 содержало запрет на заявление о давности третьими лицами. Этот подход был изменен с принятием Постановления Пленума ВС РФ от 29.09.2015 № 43, предусматривающего право третьих лиц ссылаться на давность в ряде случаев.

В первом случае запрет обосновывался тем, что заявление о давности — это распоряжение гражданским правом, поэтому только стороны обладают соответствующим правомочием⁵. Новый же подход, отказавшись от старого обоснования, не сопровождался каким-либо новым объяснением. Нужно ли истолковать произошедшие изменения как отказ от признания того, что за заявлением об исковой давности стоит распоряжение гражданским правом? Или этот подход является исключительно следованием за потребностями оборота? Должны ли все вопросы, связанные с исковой давностью, решаться следующим образом: в отсутствие прямого регулирования законом правоприменительная практика должна выбирать наиболее предпочтительный в данное время вариант без опоры на какие-то теоретические основы?

Полагаем, что понимание правовой природы исковой давности необходимо именно потому, что оно не только избавляет действующее законодательное регулирование от внутренних противоречий, но и подразумевает формулирование общих принципов, на основе которых могут быть решены возможные проблемы, связанные с исковой давностью.

Так, применительно к вопросу о правах третьих лиц это означает следующее. Если исковая давность — это предоставление ответчику возможности освободиться от ответственности по истечении определенного срока, то заявление ответчиком о давности автоматически становится признанием им факта своего правонарушения в порядке ст. 68 ГПК РФ и ст. 70 АПК РФ, а значит, сделать такое

⁴ Третьи лица в смысле ст. 43 ГПК РФ и ст. 51 АПК РФ.

⁵ Подход, безусловно, являлся спорным, однако представлял собой попытку найти хоть какое-то теоретическое обоснование соответствующему регулированию.

признание может только то лицо, которое такое правонарушение совершило. Если исковая давность призвана охранять публичный интерес в стабильности гражданского оборота, то, следовательно, чем больше лиц получают право на заявление о давности, тем лучше. Кроме того, целесообразна постановка вопроса о применении исковой давности *ex officio*, как было предусмотрено ст. 44 ГК РСФСР 1922 г. и ст. 82 ГК РСФСР 1964 г. Если же правила ст. 199 ГК РФ подразумевают под собой наказание для истца, злоупотребившего своим правом, то, вероятно, должен быть избран подход, аналогичный установленному в ст. 10 ГК РФ и не предусматривающий каких-либо ограничений по субъектному составу.

Возможность выработки подхода к решению проблемы на основе соответствующей концепции исковой давности отнюдь не исчерпывается вопросом о праве третьих лиц на заявление о давности. Внутренняя противоречивость действующего обоснования давности приводит к невозможности найти ответы на многие вопросы, носящие более частный и практический характер, например: возможен ли отказ со стороны суда в применении исковой давности при наличии злоупотребления со стороны ответчика; может ли давность быть восстановлена для юридических лиц; какие фактические обстоятельства устанавливаются судом при применении исковой давности и, следовательно, могут преюдицировать в последующих спорах; может ли незаявление об исковой давности быть квалифицировано как причинение вреда (экономических убытков) и др.

Наличие внутренних противоречий в рамках отечественного законодательства предопределяет интерес к тому, какие подходы к решению соответствующих вопросов существуют в иных правовых системах. Сравнительно-правовой анализ регулирования вопроса об исковой давности, проведенный нами, свидетельствует о том, что, хотя возможность предъявления требования по истечении определенного срока ограничивается или вовсе не допускается в большинстве стран, между правовыми системами существуют многочисленные различия в отношении концептуальной основы такого ограничения⁶.

Особого внимания, по нашему мнению, заслуживает англосаксонская система, прежде всего право Великобритании, которое в течение XX в. пережило несколько реформ в сфере регулирования исковой давности (Закон о давности 1939 г., Закон о реформировании законодательства 1954 г., Законы о давности 1963, 1975 и 1980 гг.), в связи с чем можно говорить о некоторых сформировавшихся трендах в развитии английского законодательного регулирования этого вопроса. Кроме того, с принятием Закона о правах человека 1998 г. особую роль в английском праве стали играть нормы Европейской конвенции по правам человека и их толкование, данное Европейским судом по правам человека, в том числе нормы ст. 6 Конвенции, традиционно охватывающие и вопросы применения срока исковой давности⁷. В связи с этим подходы, выработанные в Англии, приобретают еще большую ценность для отечественных исследователей.

⁶ К соответствующему выводу пришли и авторы Конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров 1974 г. В Пояснительной записке к указанному документу они отметили, что отличительная черта института исковой давности состоит в следующем: несмотря на то что ограничение на рассмотрение требований истца определенным периодом существует во многих правовых системах, соответствующие механизмы предусматривают различные принципы действия (Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/limit_conv_r_ebook.pdf (дата обращения: 19.12.2021)).

⁷ См. подробнее: *McGee A. Limitation periods*. 8th ed. London: Sweet and Maxwell, 2020. § 1.002, 1.003, 1.064.

В рамках настоящей статьи мы не претендуем на предоставление итогового ответа в отношении того, какая именно концепция исковой давности реализуется или должна быть реализована в рамках отечественного законодательства. Цель состоит в исследовании правовой природы и особенностей функционирования разных моделей исковой давности, применявшихся и применяемых в англосаксонской правовой системе, что, в свою очередь, предоставит базу для поиска решений тех задач, которые стоят перед отечественной доктриной и практикой. Мы также не пытаемся осуществить всеобъемлющий анализ всех аспектов регулирования исковой давности в Великобритании и США, а лишь раскрываем те особенности и подходы, которые позволяют сделать определенные выводы в отношении концептуального понимания предназначения соответствующего института.

В отличие от континентальной системы, в системе общего права Англии институт исковой давности — это вопрос процессуального права. Если обратиться к классическому комментарию английской практики⁸, то там исковая давность определяется как средство процессуальной защиты, определяющее срок для подачи иска в суд. Таким образом, по истечении срока исковой давности иск не подлежит удовлетворению.

В Великобритании понятие «срок исковой давности» — это часть писанного права. Полноценное регулирование сроков исковой давности появилось только к XIX в. В 1833 г. нормы об исковой давности были включены в Закон о гражданском процессе. Кроме того, нормы, регулирующие давность, были включены в Закон о недвижимом имуществе 1833 г. и Закон о защите государственных служащих 1893 г. В дальнейшем положения об исковой давности вынесли в отдельный нормативный акт. В 1939 г. был принят первый консолидированный акт — Закон о давности, посвященный исключительно регулированию исковой давности и вступивший в силу 01.07.1940. Важные поправки в регулирование давности внесены Законом о правовой реформе 1954 г., Законами о давности 1963 и 1975 гг. Последний Закон о давности, регулирующий этот вопрос, датируется 1980 г. Однако положения о исключениях, в том числе возражениях о давности, содержатся и в процессуальном законодательстве Великобритании⁹.

Поскольку исковая давность в английском праве — это институт процессуального права, по истечении соответствующего срока субъективное гражданское право не прекращается. Лицо лишается двух способов защиты прав: исковой защиты и права на зачет. Кроме того, как и в российском законодательстве, если должник исполняет просроченное обязательство, он не может требовать от кредитора исполненного по такому обязательству¹⁰. Несмотря на то что механизм исковой давности является частью процессуального права, закон допускает договорное регулирование условий о действии давности. Диспозитивность распространяется на все аспекты правил применения давности: определение момента начала течения срока, длительность и т. д. Возможен и полный отказ от использования исковой давности. Тем не менее существует ряд ограничений в отдельных областях¹¹.

⁸ Blackstone's Civil Practice 2013: The Commentary / eds S. Sime, D. French. Oxford: Oxford University Press, 2013. Par. 10.1.

⁹ Приводится по: *Osing St., Neumeier F.* Limitation periods in construction law, an international overview and comparison, exemplified by common and the civil law jurisdictions // *Construction Law International*. 2012. Vol. 7, iss. 3. P. 35–36; *McGee A.* Limitation periods. § 1.003–1.005.

¹⁰ См. об этом: *Furmston M. P.* Law of Contract. 12th ed. London: Butterworths, 1991. P. 624.

¹¹ Так, условия об исковой давности в сфере защиты прав потребителей должны соответствовать императивным нормам профильного законодательства. См., напр., Недобросовестные усло-

Что касается предназначения института давности в праве Великобритании и тех политико-правовых целей, которые стоят за ним, то английская доктрина и судебная практика также отказываются от единственного подхода к определению целей и задач соответствующего механизма.

В деле *A'Court v. Cross* 1825 г. судья указал: «Предполагается, что законодатель намеревался предоставить защиту лицам, которые исполнили свое обязательство, однако ввиду истечения длительного периода времени не сохранили доказательств произведенной оплаты. Начиная с заглавия закона и до его последней статьи каждое его слово демонстрирует, что закон не может быть истолкован так узко. Достаточно часто я слышал, как верховные судьи называют соответствующие правила “Законом умиротворения”. Запоздалые и задавленные требования являются чаще жестокими, нежели справедливыми. Учение Христа запрещает нам пытаться получить долг, выплата которого с течением времени и в силу обстоятельств стала непосильной для должника»¹². Таким образом, судебная практика отказывается от узкого понимания целей института исковой давности.

В английской доктрине выделяют три обоснования сроков исковой давности: 1) необходимость обеспечения правовой определенности для ответчика (нормы, устанавливающие исковую давность, в связи с этим называют *statutes of peace* (законы спокойствия)); 2) невозможность бессрочного хранения доказательств надлежащего исполнения обязательства; 3) санкция для недобросовестного истца, который несвоевременно обратился за защитой своего права¹³.

Тенденции развития законодательного регулирования Англии свидетельствуют о том, что третье из названных обоснований получает все большее признание. Прежде всего речь идет о так называемой концепции осознания (*discoverability*). Только в 1963 г. закон установил необходимость учитывать при определении истечения срока исковой давности момент, когда истец узнал или мог узнать о нарушении своего права¹⁴. Указанное правило применялось исключительно в делах о возмещении вреда здоровью. Соответствующие правила были дополнены Законом 1975 г., который допустил определенную дискрецию суда в вопросе о возможности рассмотрения дела по существу при истекшем сроке исковой давности. Данные положения были воспроизведены и в Законе 1980 г. Последующее развитие осуществлено в рамках Закона о скрытых недостатках 1986 г., в соответствии с которым исковая давность начинала течь либо с даты самого нарушения, либо с момента, когда истец узнал о нарушении своего права¹⁵.

Кроме того, в рамках работы Правовой комиссии Великобритании в 2001 г. был принят итоговый отчет по вопросу об исковой давности, который содержал предложения по реформированию института исковой давности, где среди прочего отмечена необходимость учета при определении момента начала течения срока исковой давности того, когда истец узнал или должен был узнать о следующих

вия в договорах с потребителями: *Unfair Terms in Consumer Contracts Regulations 1999*. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/1999/2083/contents/made> (дата обращения 19.12.2021).

¹² Цит. по: *McGee A. Limitation periods. § 1.049.*

¹³ *Ibid. § 1.047.*

¹⁴ До этого времени соответствующий подход был реализован в рамках судебной практики. Так, в деле *Board of Trade v. Cayzer, Irvine and Co Ltd.* лорд Аткинсон указал, что весь смысл срока исковой давности сводится к тому, чтобы «быть применимым к тем, кто имел возможность инициировать судебную защиту своего права, и лишить их права на принудительную реализацию их прав после того, как они бездействовали несколько лет и не использовали свое право. С учетом этого они должны быть лишены того права, которое они не посчитали нужным реализовать» (цит. по: *Ibid. § 1.051*).

¹⁵ *Ibid. § 1.063.*

обстоятельствах: 1) о факте нарушения права; 2) личности ответчика; 3) значительности для истца причиненного ущерба¹⁶.

Указанные тенденции в реформировании исковой давности свидетельствуют о том, что в основе давности в английском праве лежит прежде всего стремление «наказать» истца, несвоевременно обратившегося за защитой своего права, ибо с точки зрения других целей (сохранности доказательств и правовой определенности ответчика) субъективное восприятие истцом нарушения его прав не может иметь значения.

В соответствии с п. 1 ст. 36 Закона о давности 1980 г. установленные в законе сроки исковой давности не применяются к средствам защиты, которые основаны на праве справедливости¹⁷.

Вместе с тем в праве справедливости существует самостоятельное средство защиты, именуемое *laches*. Юридический словарь Блэка дает следующее определение понятию *laches*: это средство защиты, используемое в праве справедливости, заключающееся в том, что суд отказывает в удовлетворении иска, если истец настолько затянул предъявление соответствующих требований, что это повлекло за собой причинение вреда ответчику. Г. Пеппер указывает, что данное средство защиты применимо, если в силу длительности непредъявления иска имела место утрата доказательств, а также если положение ответчика или третьего лица каким-либо иным образом изменилось к худшему¹⁸. Таким образом, *laches*¹⁹ подразумевают три составляющие: отсрочка предъявления требований, изменение положения к худшему и утрата доказательств.

Например, в деле *Smith v. Clay* 1767 г., которое является наиболее цитируемым при использовании *laches* как в английских, так и в американских судах, лорд Камден указал: «Суд справедливости, который никогда не действует вопреки совести или публичной совести, всегда отказывал в помощи по застарелым требованиям лицам, которые проспали свои права и виновны в длительной отсрочке предъявления своих требований. Ничто не может подвинуть суд на активность, кроме совести, добросовестности и разумной осмотрительности. Там же, где есть нехватка этого, суд пассивен и не предпринимает никаких действий. Халатность и небрежность никогда не одобряются, именно поэтому с самого зарождения юриспруденции всегда были ограничения для судебной защиты»²⁰.

Кроме того, в отличие от механизма давности, при использовании этого средства защиты речь идет о прекращении гражданского субъективного права. В данном случае поведение истца, своевременно не предъявившего иск, квалифицируется как отказ от права²¹.

Изначально *laches* появились в английских судах справедливости. Основным принципом деятельности соответствующих судов было обеспечение и создание

¹⁶ Item 2 of the Seventh Programme of Law Reform: Limitation of Actions // The Law Commission. URL: http://www.lawcom.gov.uk/app/uploads/2015/03/lc270_Limitation_of_Actions.pdf (дата обращения: 01.12.2021).

¹⁷ Судебная практика исходит из возможности применения по аналогии законодательно установленных сроков давности к средствам защиты права справедливости (*McGee A. Limitation periods.* § 1.062, 3.024).

¹⁸ Black's law dictionary. 10th ed. / ed. by Bryan A. Garner. USA: Thomson Reuters, 2014. P. 1068.

¹⁹ Слово *laches* пришло в англ. из фр., где *la lachesse* значит «халатность», «небрежность». Однако в силу отсутствия аналогичного понятия в нашем правовом порядке и трудности подобрать перевод, который сохранил бы сущность этого юридического механизма, здесь и далее термин будет использован на языке оригинала.

²⁰ *Smith v. Clay* // Casetext: Smarter Legal Research. URL: <https://casetext.com/case/smith-v-clay> (дата обращения: 19.12.2021).

²¹ Приводится по: *Furmston M. P. Law of Contract.* P. 643.

как справедливых способов защиты прав истца, так и справедливых средств защиты ответчика. Одним из таких средств защиты и стало применение *laches*. Длительные задержки в осуществлении правосудия приводили к многочисленным проблемам, среди которых утеря подлежащей доказательственной базы, ухудшение позиции ответчика и изменение правового регулирования, что происходило весьма часто в то время, когда правовая система в целом считалась нестабильной²².

Впервые упоминание о *laches* встречается в 1311 г. в споре о наследовании имущества. Истица заявила требование о передаче ей земельного участка по истечении достаточно длительного срока после того, как соответствующее право возникло. Суд обсуждал вопрос о квалификации такого поведения истца как халатности (*laches*), однако в итоге этот подход не был применен в силу того, что истцом была женщина, которая не имела возможности обратиться за защитой своих прав до смерти первого мужа²³.

Использование *laches* аналогично применению понятия «злоупотребление правом» в отечественном праве. В решениях английских судов не раз подчеркивалось, что применение *laches* не может иметь технический характер, так как это инструмент, основанный на оценочном восприятии²⁴ и на усмотрении суда²⁵.

Поскольку английское право справедливости было импортировано в правовую систему США, такое средство защиты, как *laches*, также использовалось судами США в качестве инструмента для ограничения за давностью требований. Понимание соответствующего института в правовой системе США мало чем отличалось от английского понятия *laches*. Как и в Великобритании, *laches* в США сосредоточено на добросовестности сторон. Так, в деле *Gallagher v. Cadwell* 1892 г. Верховный суд США указал, что, в отличие от установленного законом срока исковой давности, *laches* — это не просто вопрос времени, это вопрос справедливости и несправедливости, которые могут иметь место в случае, когда произошли изменения в отношениях или в положении сторон. И эта справедливость должна быть учтена в отношении обеих сторон. В деле *Gardner v. Panama Railroad Co.* 1951 г. Верховный суд США указал: «Применение *laches* — это вопрос усмотрения суда, но он не должен решаться исходя из обращения к нормам об исковой давности и путем механического их применения. Должна быть принята в расчет и справедливость. Там, где имела место отсрочка в предъявлении требований без уважительных причин, однако ответчику не был нанесен какой-либо вред истечением длительного периода времени, нельзя отказать в судебной защите».

²² В этом контексте нелишне привести выдержку и из решения Верховного суда США, в чью правовую систему такое средство защиты, как *laches*, перешло в общем процессе заимствования английского права. В деле *Maskall v. Casilear* 1890 г. Верховный суд США указал: «Доктрина *laches* основана на необходимости обеспечить публичный интерес, что требует ради сохранения общественного мира отказаться от рассмотрения застарелых требований. Трудности в осуществлении правосудия вполне закономерны в случае небрежной или преднамеренной отсрочки предъявления требований, когда имеет место смерть основного свидетеля или свидетелей или обстоятельства сделки становятся неясным в силу истечения времени». Таким образом, Верховный суд США подчеркивает, что за применением соответствующего средства защиты стоит прежде всего охрана публичного порядка. Аналогичная позиция содержится и в более раннем решении Верховного суда США по делу *Badger v. Badger* 1864 г. (все упомянутые дела приводятся по: *Fort K. E. The new laches: Creating title where none existed // George Mason Law Review. 2009. Vol. 16, no. 2. P. 368*). Однако, как покажет дальнейший анализ, доктрина *laches* постепенно изменила свое обоснование и предназначение.

²³ Приводится по: *Ibid.*

²⁴ Дело *Penny v. Allen* 1857 г., дело *Lindsay Petroleum v. Hurd* 1874 г.

²⁵ См. подробнее: *McGee A. Limitation periods. § 3.022; Furmston M. P. Law of Contract. P. 643.*

На плечи ответчика ложится бремя доказывания²⁶ наличия вреда, причиненного длительным непредъявлением иска²⁷.

Срок исковой давности и *laches* — отнюдь не единственные юридические механизмы, основанные на учете истечения определенного периода времени и используемые в правовой системе США для обоснования отказа в удовлетворении требований. Следует упомянуть также такое средство защиты, как *acquiescence*, что можно перевести как «молчаливое согласие». Это отдельное средство защиты ответчика, которое также уходит корнями в английское право справедливости. Несмотря на то что в американской юридической науке часто происходит смешение понятий *laches* и *acquiescence*, существует различие между этими средствами защиты. Молчаливое согласие всегда предполагает осознание правонарушения и осознанное бездействие при его наличии. Как отмечено в деле *Life Association of Scotland v. Siddal* 1861 г., «молчаливое согласие... предполагает знание, поскольку невозможно себе представить, чтобы человек был согласен на то, о чем он не знает»²⁸.

В практике Верховного суда США доктрина молчаливого согласия применяется прежде всего в земельных спорах между штатами. Безусловно, средства защиты, используемые в публично-правовых спорах, имеют свои особенности, однако для целей настоящей статьи рассмотрим также обоснования, которые суды использовали при отказе в удовлетворении заявленных требований ввиду истечения длительного периода времени.

Одним из первых таких дел, рассмотренных Верховным судом США, был спор *Indiana v. Kentucky* (1890) — спор между штатами Индиана и Кентукки за права на территорию Грин Ривер Айленд. Принятое решение основывалось на том, что на протяжении 70 лет Индиана «не осуществляла и не пыталась осуществить властных полномочий или полномочий правообладателя на этой почве». Исходя из этого такое «молчаливое согласие относительно полномочий штата Кентукки, отсутствие каких-либо попыток предпринять какие-либо шаги для отстаивания своих прав со стороны штата Индианы может рассматриваться исключительно как признание прав штата Кентукки. Такой вывод является настолько очевидным, что может быть опровергнут только при наличии явных и бесспорных доказательств обратного»²⁹. Исходя из формулировки Верховного суда США, в данном деле основанием для применения соответствующего средства защиты стало поведение истца, которое было квалифицировано как отказ от права. Верховный суд США указал на то, что длительное осознанное бездействие порождает доказательственную презумпцию отсутствия у истца права. Однако такая презумпция является опровержимой, и при наличии достаточных доказательств суд может прийти к обратному выводу.

Тем не менее в другом споре Верховный суд использует несколько иную логику. В деле *City of Sherrill v. Oneida Indian Nation* 2005 г. Верховный суд США указывает: «При использовании доктрины молчаливого согласия не имеет значения изначальная законность соответствующей земельной границы, речь идет о юридических последствиях молчаливого согласия на фактическое существование этой границы». Таким образом, молчаливое согласие рассматривается уже не в каче-

²⁶ Как указывает К. Форт, *laches* — это «гибкое средство защиты, которое предполагает значительную работу со стороны ответчика по доказыванию того, почему щит *laches* может использоваться по отношению к нему» (*Fort K. E. The New Laches. P. 372*).

²⁷ Все упомянутые дела приводятся по: *Ibid. P. 373*.

²⁸ Цит. по: *Ibid. P. 374*.

²⁹ Аналогичный подход отражен в деле *Michigan v. Wisconsin* 1926 г. и в деле *Ohio v. Kentucky* 1973 г. (приводятся по: *Ibid. P. 373*).

стве доказательства наличия или отсутствия прав, а в качестве самостоятельного основания для приобретения не существовавших ранее прав на земельный участок, т. е. имеют место такие же правовые последствия, как в случае с laches³⁰.

Данное дело имеет особое значение для юридической практики США, поскольку, по сути, в нем было создано новое средство защиты — так называемое new laches, объединившее в себе составляющие трех механизмов защиты прав ответчика: laches, acquiescence (молчаливое согласие) и impossibility (невозможность исполнения).

Фабула дела City of Sherill v. Oneida Indian Nation of New York заключалась в следующем. В конце XVIII в. коренное индейское население владело 6 млн акров земли в Центральном Нью-Йорке. В 1788 г. штат Нью-Йорк выкупил большую часть территории, оставив за местным населением только 300 тыс. акров. В 1790 г. Конгресс США принял закон, запрещающий куплю-продажу земель, принадлежащих коренному населению, без разрешения и ратификации федеральных властей. Однако, несмотря на этот запрет, штат Нью-Йорк продолжал покупку земель, и к 1920 г. площадь земель, принадлежащих индейским племенам, сократилась до 32 акров. В 1997–1998 гг. племя выкупило часть земель, изначально принадлежавших ему, после чего отказалось платить налоги в бюджет города Шерилл, поскольку считало, что соответствующие земли не подлежат налогообложению, так как являются землями, на которых располагается коренное население. Однако согласно действующему законодательству земельные участки, купленные племенами на открытом рынке, не относятся к не облагаемому налогом имуществу. Тогда представители племени сослались на то, что эти земли изначально являлись их территорией, а владение ими штатом Нью-Йорк на протяжении 200 лет было незаконным³¹.

Рассматривая указанный спор, Верховный суд США пришел к выводу о необходимости отказать племени в защите его прав, используя ссылку на три юридических средства защиты: laches, acquiescence (молчаливое согласие) и impossibility (невозможность исполнения).

До появления решения по делу City of Sherill v. Oneida Indian Nation of New York невозможность исполнения как средство защиты не использовалась нигде, кроме как в договорных спорах и в узкой сфере уголовного права. В указанном деле Верховный суд США применяет доктрину невозможности исполнения, наполняя ее совершенно новым смыслом. Суд утверждает, что осуществление властных полномочий индейскими племенами на территории, где живут в том числе обычные граждане, будет иметь «разрушительные» практические последствия для общества, из чего следует невозможность осуществления такой власти. Иными словами, суд говорит не о фактической, а о юридической невозможности, которая основывается на наличии негативных последствий для большого количества третьих лиц³².

Таким образом, новое средство защиты берет часть от laches (истечение длительного периода времени), часть от молчаливого согласия (необходимость осознания нарушения прав и игнорирование изначального наличия правонарушения ответчика) и часть от невозможности исполнения в ее новой трактовке (наличие разрушительного эффекта на положение третьих лиц).

³⁰ Приводится по: Fort K. E. The New Laches. P.371.

³¹ Приводится по: Krakoff S. City of Sherill v. Oneida Indian nation of New York: A regretfull postscript to the taxation chapter in Cohen's Handbook of Federal Indian law // Tulsa Law Review. 2005. Vol. 41, no. 5. P. 13.

³² Приводится по: Ibid. P.6.

Наряду со средствами защиты ответчика, имплементированными из английского общего права, в праве США также существуют законодательно установленные сроки давности, которые регулируются Федеральными правилами гражданского процесса США (Federal Rules of Civil Procedure)³³.

Американская правовая доктрина исходит из того, что исковая давность является институтом процессуальным, к которому может применяться исключительно закон суда³⁴.

В деле *McElmoyle v. Cohen* суд указал, что заявление об исковой давности является средством судебной защиты, при этом истечение исковой давности не прекращает материальное право, а влечет невозможность реализовать право с помощью судебной защиты. Соответствующее средство защиты является процессуальным возражением (*answer*), представляющим собой разновидность ходатайства, которым сторона отвечает на заявление, жалобу, средство защиты и в котором эта сторона делает свое заявление³⁵.

В соответствии с правилом 8 (b) Федеральных правил гражданского процесса США, в ответном заявлении сторона обязана признать либо опровергнуть утверждения противной стороны (In responding to a pleading, a party must admit or deny the allegations asserted against it by an opposing party). При этом, если ответное заявление является обязательным и сторона, отвечая на такое заявление, прямо не отрицает утверждения противной стороны, оно считается признанным стороной (An allegation <...> is admitted if a responsive pleading is required and the allegation is not denied. If a responsive pleading is not required, an allegation is considered denied or avoided).

Американский закон выделяет три типа возражений, которые ответчик может сделать, защищаясь от иска: 1) возражения в соответствии с правилом 12 (b) (неподсудность спора суду, незаконный состав суда и ряд других нарушений, носящих исключительно процессуальный характер); 2) негативные возражения (*negative defence*), которые содержат в себе отрицание правонарушения, т. е. отрицание требований истца по существу; 3) утвердительные возражения (*affirmative defence* или *defenses of new matter*)³⁶, в которых ответчик признает требование истца, но ссылается на наличие обстоятельств, не позволяющих привлечь его к ответственности. Перечень этих обстоятельств указан в правиле 8 (c), и к ним, в частности, относятся возражения о применении давности³⁷.

Современная версия утвердительных возражений развилась из концепции общего правила, именуемой «признание и избежание» (*confession and avoidance*). Поэтому использование утвердительных возражений в американском гражданском процессе предполагает, с одной стороны, согласие с заявленными требованиями истца, т. е. признание иска, а с другой — заявление об отсутствии у истца права на удовлетворение его обоснованных по существу требований³⁸. Указанное

³³ Federal Rules of Civil Procedure. URL: <https://www.federalrulesofcivilprocedure.org/frcp> (дата обращения: 19.12.2021).

³⁴ См., напр.: *Symeonides S. C. Choice of Law*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 524; *Leflar R. A. The new Conflicts-Limitations Act* // *Mercer Law Review*. 1984. Vol. 35. P. 462; *Ailes E. H. Substance and procedure in the conflict of laws* // *Michigan Law Review*. 1941. Vol. 39, no. 3. P. 410; *Grossman M. R. Statutes of Limitations and the Conflict of Laws: Modern Analysis* // *Arizona State Law Journal*. 1980. Vol. 1. P. 3.

³⁵ См. об этом: *St. Eve A., Zuckerman M. A. The forgotten pleading* // *The Federal Courts Law Review*. 2013. Vol. 7, iss. 1. P. 154.

³⁶ См. подробнее: *Shipman B. J. Handbook of Common-Law Pleading*. 3rd ed. St. Paul, MN: West Publishing Co., 1923. P. 30.

³⁷ См. об этом: *St. Eve A., Zuckerman M. A. The Forgotten Pleading*. P. 161.

³⁸ *Ibid.* P. 162.

средство защиты, таким образом, представляет собой отказ от привлечения к ответственности лица, которое в действительности нарушило право истца, однако в силу истечения большого количества времени имеет право на освобождение от такой ответственности.

Американская доктрина исходит из того, что использование возражения о давности предполагает, что факты основания иска должны быть в достаточной степени обоснованы истцом и их достоверность не должна вызывать у суда сомнений. Если у суда есть сомнения по поводу достоверности фактов, лежащих в основании иска, он вправе провести так называемый тест на обоснованность либо вовсе отклонить заявление ответчика об истечении исковой давности и рассмотреть дело по существу³⁹.

Таким образом, отдельное средство защиты ответчика от предъявляемых к нему требований, основанных на истечении определенного периода времени, была известна англосаксонскому праву всегда. И на протяжении истории, и на современном этапе указанное возражение имело и имеет множество процессуальных форм, отражающих различные концепции оправдания освобождения ответчика от ответственности.

Проведенное сравнительно-правовое исследование вопроса регулирования института исковой давности позволяет прийти к выводу о том, что в праве отсутствуют единая концепция и идеология механизма, предусматривающего отказ от разрешения спора в судебном порядке ввиду истечения определенного времени. Подход, в соответствии с которым институт исковой давности — это универсальный механизм с заранее заданным набором одинаковых целей и особенностей функционирования, является неверным.

Каждый из существующих вариантов предназначения института давности подразумевает свои особенности с точки зрения следующих аспектов: обстоятельства, исключающих применение давности; субъектов, уполномоченных на такое заявление; возможности договорного регулирования различных аспектов исковой давности и т. д. В связи с этим в настоящее время перед законодателем, правоприменителем и научным сообществом должна быть поставлена задача по определению того, какая концепция должна найти отражение в отечественной правовой системе.

Статья поступила в редакцию 13 февраля 2020 г.
Рекомендована к печати 12 января 2021 г.

Concepts of limitation periods in UK and US law

Veronika G. Malysheva

For citation: Malysheva, Veronika G. 2020. Concepts of limitation periods in UK and US law. *Pravovedenie* 64 (4): 483–495. <https://doi.org/10.21638/spbu25.2020.403> (In Russian)

In the article the author analyzes the statute of limitations under Russian law and the law of Great Britain and the USA. The current legal regulation of limitation periods in Russia is based simultaneously on two mutually exclusive concepts: on the one hand, the Civil Code of the Russian Federation indicates that the application of limitation periods prescribes that the fact of violation of a right and the determination of the person who violated this right must be established, on the other hand, the Civil Procedural Code of the Russian Federation and the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation provide for the possibility of terminating legal

³⁹ Gossard v. Gossard (1945), Anderson v. Linton (1949), Suckow Borax Mines Consolidated Inc. et al. v. Borax Consolidated, Limited (1948), Kincheloe v. Farmer (1954).

proceedings without examining the merits of the case and without examining the evidence. While each of these concepts is obviously acceptable, the combination of various tasks within the framework of one institution demonstrates the inconsistency of legislative regulation. In this regard, the study of other countries' experience concerning the purpose of the institution is of particular importance. A comparative legal analysis carried out by the author illustrates that the law lacks a unified concept and ideology of a mechanism providing for the refusal to resolve a dispute in judicial proceedings due to the expiration of a certain period of time. In the law of Great Britain and the USA, there exist several mechanisms of limitation, each of which is based on certain principles and operates according to its own rules. In the framework of this article, the author attempts a comprehensive comparative legal analysis of the statute of limitations in order to provide a basis for finding an answer to the question concerning the legal nature of the modern institute of limitation in Russian law.

Keywords: statute of limitations, limitation periods, defendant's remedy, exception, institute of prescription, right to claim.

References

- Ailes, Edgar H. 1941. Substance and procedure in the conflict of laws. *Michigan Law Review* 39 (3): 392–418.
- Fort, Kathryn E. 2009. The new laches: Creating title where none existed. *George Mason Law Review* 16 (2): 357–401.
- Furmston, Michael P. 1991. *Law of Contract*. 12th ed. London, Butterworths.
- Garner, Bryan A. (ed.). 2014. *Black's law dictionary*. 10th ed. Thomson Reuters.
- Grossman, Margaret Rosso. 1980. Statutes of limitations and the Conflict of Laws: Modern analysis. *Arizona State Law Journal* 1: 1–65.
- Krakoff, Sarah. 2005. City of Sherill v. Oneida Indian nation of New York: A regretfull Postscript to the Taxation Chapter in Cohen's Handbook of Federal Indian Law. *Tulsa Law Review* 41 (5): 5–19.
- Leflar, Robert A. 1984. The new Conflicts-Limitations Act. *Mercer Law Review* 35: 461–481.
- McGee, Andrew. 2020. *Limitation Periods*. 8th ed. London, Sweet and Maxwell.
- Osing, Stefan, Neumeier, Fabian. 2012. Limitation periods in construction law, an international overview and comparison, exemplified by common and the civil law jurisdictions. *Construction Law International* 7: 35–41.
- Shipman, Benjamin J. 1923. *Handbook of Common-Law Pleading*. 3rd ed. St. Paul, MN, West Publishing Co.
- Sime, Stuart, French, Derek (eds). 2013. *Blackstone's Civil Practice 2013: The Commentary*. Oxford, Oxford University Press.
- St. Eve, Amy, Zuckerman, Michael A. 2013. The forgotten pleading. *The Federal Courts Law Review* 7 (1): 153–177.
- Symeonides, Symeon C. 2016. *Choice of Law*. Oxford, Oxford University Press.

Received: February 13, 2020

Accepted: January 12, 2021

Veronika G. Malysheva — Junior Researcher, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; v.g.malysheva@spbu.ru